

A stylized, high-contrast illustration of a woman's face in profile, facing left. The face is rendered in shades of yellow and orange, with a large red flower in her dark hair. The background is a solid orange color. The text is in Cyrillic.

ХУЛИЯ АЛЬВАРЕС

перевод Любови Карцевадзе

ДЕВОЧКИ ГАРСИА

МИО

Хулия Альварес
Девочки Гарсиа
Серия «Novel. Женское лицо»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68994127
Девочки Гарсиа / Хулия Альварес: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2023
ISBN 9785002140015

Аннотация

«Мы наконец свободны, но в тот же самый миг, когда ворота распахиваются и мы можем вылететь из клетки, любовь тети Кармен возрождает нашу давнюю тоску по родине».

Жизнь четырех сестер Гарсиа рушится, когда семья вынуждена покинуть роскошный дом в Доминиканской Республике из-за причастности их отца к попытке государственного переворота.

В чудесном, но не всегда гостеприимном Нью-Йорке родители придерживаются своих старых привычек, в то время как Карла, Сандра, Йоланда и София пытаются построить новую жизнь: выпрямляя волосы, одеваясь по-американски и постепенно забывая родной испанский язык. В культовом романе Хулии Альварес, удостоенном множества наград, сестры рассказывают свои истории о том, как на протяжении тридцати лет они были дома – и не дома – в Америке.

От автора

Когда мне было десять лет, мы эмигрировали в Нью-Йорк. Как изумительно – страна, где все говорят по-английски! Эти люди, должно быть, умнее, думала я. Служанки, официанты, таксисты, швейцары, уличные бродяги, мусорщики – все они говорили на этом сложном языке. Мне потребовалось время, чтобы понять, что американцы необязательно являются высшей нацией, превосходящей нас умом. Для них было так же естественно учить свой материнский язык, как для доминиканских малышей – учить испанский.

Моя мать объяснила, что они впитывают его с молоком матери, и какое-то время я думала, что материнский язык называется материнским, потому что мы получаем его из материнской груди вместе с питательными веществами и витаминами.

Вскоре мне не казалось таким уж странным, что все говорят по-английски, а не по-испански. Я научилась слышать этот язык не как английский, а как смысл. Я больше не силилась понять, я понимала. Я освоилась с этим вторым языком.

Для кого эта книга

Для всех, кто любит сильные истории со смыслом.

Для поклонников латиноамериканской литературы.

На русском языке публикуется впервые.

Содержание

Особо благодарю	7
Генеалогическое древо	8
I. 1989–1972	9
Antojos	9
Поцелуй	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Хулия Альварес

Девочки Гарсиа

Оригинальное название

How the Garcia Girls Lost Their Accents

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

First published in the United States under the title: HOW THE GARCÍA GIRLS LOST THEIR ACCENTS: A Novel

© Julia Alvarez, 1991

Some of these stories have appeared, in slightly different versions, in The Caribbean Writer, The Greensboro Review, Third Woman, The Syracuse Scholar, Outlooks and Insights (St. Martin's Press, 1983), Unholy Alliances (Cleis Press, 1989), The Writer's Craft (Scott, Foresman Co. 1986, 1989), Heresies, the new renaissance, An American Christmas (Peachtree, 1986), MSS.

Published by arrangement with Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Company, Inc., New York.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Посвящается Бобу Пэку и, конечно, сестрам

Особо благодарю

Джуди Ярнелл

Шэннон Рейвнел

Сьюзан Бергхольц

Джуди Лискин-Гаспарро

Национальный фонд искусств

Научный совет Иллинойского университета

Фонд Ингрэма Меррилла

Альтос-де-Чавон

Билла,

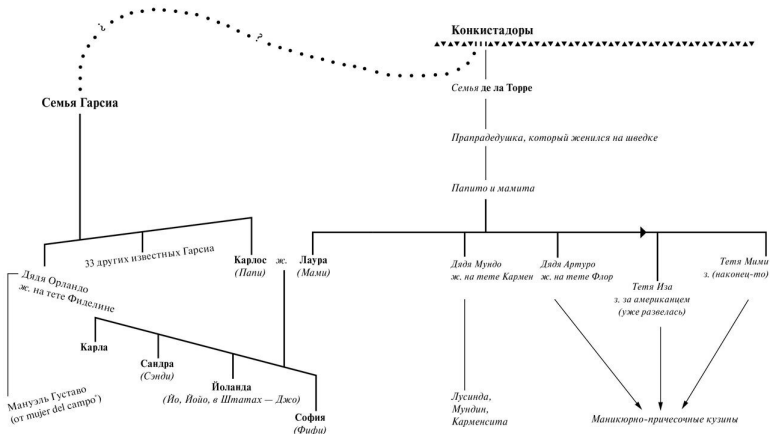
сотрафёго¹

на протяжении всех этих страниц

---

¹ Спутник (исп.).

Генеалогическое древо

* Деревенская женщина (исп.).

I. 1989–1972

Antojos

Йоланда

Престарелые тетушки полулежат в белых плетеных креслах, с треском раскрывая и резко захлопывая веера. И хотя за пять лет многие из них облачились в серые и черные вдовьи одежды, они мало изменились с тех пор, как Йоланда в последний раз была на Острове.

На менее удобных обеденных стульях среди тетушек цветными вспышками маячат кузины в бирюзовых комбинезонах и обтягивающих трикотажных платьях.

На отдельном столике стоит торт, окруженный маленькими кузенами, соперничающими за лучшие куски. Когда препирательства исчерпывают предел материнского терпения, их отзывают няньки, восседающие фалангой белых крахмальных униформ на табуретах в дальнем конце патио.

И пока никто не обернулся поприветствовать ее в дверях, Йоланда видит себя такой же жалкой, какой увидят ее собравшиеся: черная хлопковая юбка, трикотажная кофта,

сандалии на ногах, непокорные черные волосы, сдерживаемые ободком. «Вылитая миссионерка, – скажут ее кузины. – Вылитая девица из Корпуса мира вроде тех, кто приносит миру сомнительное благо, запустив самих себя».

Из кладовой в столовую выглядывает служанка – щуплая смуглая женщина в черной униформе кухонной прислуги. Вся ее голова покрыта крошечными косичками, закрученными спиралями и заколотыми невидимками.

– Донья Кармен, – обращается она к хозяйке, одной из тетушек Йоланды, – спичек нет. Хусто пошел за ними к донье Лусинде.

– Por Dios², Илюминада, – распекает ее тетя Кармен, – у тебя был целый день.

Служанка опускает взгляд на переплетенные пальцы вытянутых перед собой рук – и Йоланде вспоминается иллюстрация из книги для актеров эпохи Возрождения. Сцепленные руки были на странице классических жестов. «Умоляющий жест», – сообщала подпись. Такие же сцепленные в замок руки, прижатые к груди, к сердцу, принадлежали «любовнику, умоляющему возлюбленную о милосердии».

Собравшиеся замечают Йоланду. Кузина Лусинда затягивает приветственную песню под аккомпанемент нестройного хора маленьких кузенов.

---

² Бога ради (*исп.*).

– Вот она, мисс Америка!

Йоланда хватается за лоб и, как ожидалось, театрально стонет. С трудом осилив первую строку, хор бросается вперед с объятиями, поцелуями и – со стороны пары мальчишек – ложными выпадами карате.

– Выглядишь ужасно, – говорит Лусинда. – Слишком худая, и подстричься пора. Без обид.

Кузина Лусинда никогда не стесняла себя в выражениях. В дизайнерском брючном костюме, с пышной укладкой и осветленными прядями, она напоминает моделей из доминиканских журналов – этот образ всегда ассоциировался у Йоланды с девушками по вызову.

– Зажгите свечи, зажгите свечи! – дружно скандируют маленькие кузены.

Тетя Кармен поднимает раскрытые ладони к небесам в жесте, несомненно подсмотренном у кого-то из друзей-священников.

– Служанка забыла спички.

– Ох уж эта прислуга! С каждым днем всё хуже, – доверительным тоном сообщает Йоланде тетя Флор, одарив ее фирменной улыбкой.

Кузины называют тетю Флор политиком. Ее улыбка не меркнет ни при каких обстоятельствах. Говорят, однажды, во время незнамо какой по счету революции, некий радикальный молодой дядюшка и его жена заявили к тете Флор среди ночи в поисках убежища. Тетя Флор встретила

их на пороге коронной улыбкой: «Как любезно с вашей стороны ко мне заглянуть!»

– Позволь рассказать тебе о последней выходке одного из *моих*, – продолжает тетя Флор. – Вчера шофер повез меня на новенну³. Вдруг машина дергается вперед и глохнет, прямо на улице. Учитывая положение, сама понимаешь, как я встревожилась: большая машина застряла посреди университетского *barrio*⁴. «Сезар, – говорю я, – в чем дело?» Он чешет затылок: «Не знаю, донья Флор». Какой-то добрый малый останавливается помочь, проверяет все и говорит: «Ба, сеньора, да у вас кончился бензин». Бензин кончился!.. Представляешь? – Тетя Флор качает головой. – Шофер, который не в состоянии держать машину заправленной! Добро пожаловать домой на твой маленький Остров! – Она с улыбкой распахивает веер. Так прекрасные дикие птицы расправляют серебряные крылья.

Повинуясь собственническому рывку одного из маленьких кузенов, Йоланда позволяет подвести себя к столу с тортом, по случаю праздника накрытому кружевной белой скатертью и убранному нарядными накрахмаленными салфетками. Она делает удивленное лицо при виде торта в форме Острова.

---

³ Новенна (девятинна) – традиционная католическая молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.*

⁴ Пригород (*исп.*).

– Это мами придумала, – сияя, объясняет дочка Лусинды.

– Мы зажжем свечи везде, – добавляет другая маленькая кузина.

Ее лицо смутно напоминает кого-то из рода Йоланды. Должно быть, это дочь Карменситы.

– Не везде, – поправляет ее старший брат. – Свечи только для больших городов.

– Везде! – настаивает реинкарнация Карменситы. – Ведь правда, мами, везде? – она обращается к женщине, чье стареющее лицо менее знакомо Йоланде, чем его детская копия.

– Карменсита! – вскрикивает Йоланда. – Я тебя сначала не узнала.

– Старше, но не мудрее, – изрекает Карменсита по-английски – это результат двух-трех лет, проведенных ею в школе-пансионе в Штатах. На учебу в университете остаются только мальчики. – Мы решили отметить твоё возвращение тортом «Остров»! – продолжает она по-испански.

– Пять свечей, – пересчитывает Лусинда. – По одной на каждый год, когда тебя не было!

– Пять крупнейших городов, – объявляет маленький всезнайка-кузен.

– Нет! – возражает его сестра.

Их мать склоняется над ними в роли миротворца.

Йоланда, ее кузины и тетушки сидят в ожидании свечек. Сквозь лозы бугенвиллеи, карабкающиеся по стенам па-

тио, ползущие по решетчатой крыше и роняющие малиновые и пурпурные цветки, просачивается позднее солнце. Патио тети Кармен – место сборищ всего участка. Она вдова главы клана, поэтому ее дом самый большой. По ухоженным садам за ее патио расходятся в разные стороны узкие каменные тропинки. После торта и *safecitos*⁵ кузины разойдутся этими тропками по своим домам на огороженных участках. Позже они будут приглядывать за тем, как кухарки стряпают ужин для их мужей, которые разом устремятся домой по окончании «счастливого часа». Один из кузенов как-то похвастался, что этот вечерний час должен называться «часом шлюх». И не преминул растолковать Йоланде, что в это время доминиканские мужчины определенного класса заглядывают к любовницам по дороге домой.

– Пять лет, – со вздохом говорит тетя Кармен. – Уж на сей раз мы ее хорошенько побалуем, чтобы она больше не отлучалась так надолго. – Тетя склоняет голову набок в знак солидарности с остальными тетушками и кузинами.

– Бесполезно, – говорит тетя Флор. – Вы, четыре девочки, пропадаете там, наверху. – И с улыбкой показывает подбородком в небо.

– Ну, так как вы поживаете, *четыре девочки*? – с хитринкой во взгляде спрашивает Лусинда. В подростковом возрасте Йоланда и ее сестры приезжали на летние каникулы и шокировали кузин с Острова рассказами о своих эскапа-

---

⁵ Кафечито (*исп.*).

дах в Штатах.

На хромом испанском Йоланда докладывает о делах сестер. Стоит ей перейти на английский, как ее одергивают: «¡En español!»⁶ Тетушки настоятельно уверяют, что чем больше она будет практиковаться, тем скорее вспомнит родной язык. Да, а потом она вернется в Штаты и обнаружит, что стала внезапно забывать английские слова или, подобно своей матери, путаться в устойчивых выражениях. Впрочем, на сей раз Йоланда не уверена, что вернется. Но это секрет.

– Расскажи нам, чем конкретно ты хочешь заниматься, пока будешь здесь, – говорит Габриэла, красивая молодая жена Мундина, принца семейства. Своей бледной кожей и выразительными темными глазами героини любовного романа она вновь напоминает Йоланде о сцепленных на груди руках любовника. Хотя сама Габриэла донельзя прямолинейна. – Если у тебя нет планов, то, поверь мне, тебя завалят приглашениями, от которых ты не сможешь отказаться.

– Назови нам любой, даже самый маленький antojo! – подхватывает тетя Кармен.

– Что такое antojo? – спрашивает Йоланда.

Так и есть! Тетушки правы. После стольких лет вдали от родины она начала забывать испанский.

– Честно говоря, это слово не так-то просто объяснить. – Тетя Кармен обводит вопросительным взглядом остальных. Как бы выразиться точнее? – Antojos – это когда тебе очень

---

⁶ По-испански! (исп.)

хочется что-то съесть.

Габриэла раздувает щеки.

– Калории.

– Antojo, – продолжает тетушка постарше, – это старинное испанское слово. Оно употреблялось, когда этих ваших Соединенных Штатов еще и в помине не было, – язвительно замечает она. – Собственно, в сельской местности до сих пор можно встретить campesinos⁷, которые используют его в старом смысле. Альтаграсия! – подзывает она одну из служанок, сидящих в другом конце патио.

К женщинам подходит крохотная старушка с собранными в тугую седой пучок волосами. Ее просят объяснить Йоланде, что такое antojo. Она прячет свои коричневые руки в карманы униформы.

– U'té que sabe, – вполголоса отвечает Альтаграсия. «Вам лучше знать».

– Полно тебе, Альтаграсия, – укоряет ее хозяйка.

Служанка повинуется.

– У меня в campro⁸ мы говорим, что у человека есть antojo, когда в него вселяется santo⁹, который чего-то хочет. – Альтаграсия пятится и, поскольку никто ей не препятствует, поворачивается и отправляется назад к своему табурету.

– Я скажу вам, чего хочет мой santo после этих пяти лет, –

---

⁷ Крестьяне (*исп.*).

⁸ Деревня (*исп.*).

⁹ Святой (*исп.*).

отвечает Йоланда. – Мне не терпится поесть гуав. Пожалуй, сорву парочку через несколько дней, когда поеду на север.

– В одиночку? – при этой дикой мысли тетя Кармен качает головой.

– Здесь тебе не Штаты, – со снисходительной улыбкой замечает тетя Флор. – В этой стране женщины не путешествуют одни. Особенно в нынешнюю пору.

– Ничего с ней не случится, – успокаивает остальных Габриэла. – Мундин будет в отъезде, так что можешь взять одну из наших машин.

– Габри! – Лусинда закатывает глаза. – Ты с ума сошла? «Вольво» в глубине страны при нынешней обстановке?..

Габриэла вскидывает ладони.

– Ладно, ладно! Есть еще «датсун».

– Не хочу никому причинять неудобства, – отвечает Йоланда. Все это время она держала рот на замке, надеясь, что могучая волна традиций прокатится по ее жизни и разобьется о какие-нибудь другие женские берега. Когда ропот иссякнет, она планирует снова всплыть на поверхность и поступить по-своему. Краем глаза она видит Илюминаду, входящую с коробком спичек на маленьком серебряном подносе. – Я поеду на автобусе.

– На автобусе!.. – Родня раздражается единодушным хохотом. Маленькие кузены подходят ближе, чтобы присоединиться к смеху и поучаствовать во взрослом веселье.

– Йоланда, *mi amor*¹⁰, ты слишком долго отсутствовала, – поддразнивает ее Лусинда. – Только представьте! – веселится она. – Йойо залезает в старенький *camioneta*¹¹ вместе со всеми *campesinos*, их бойцовыми петухами, козами и свиньями!

Смешки и покачивания головами.

– Я могу за себя постоять, – заверяет их Йоланда. – И о каких бедах вы все время твердите?

– Не слушай их, – Габриэла машет рукой, словно отгоняя назойливую муху. У нее длинные, заостренные пальцы; свадебное кольцо спаяно с помолвочным в один толстый обруч. «Так проще», – как-то объяснила она, дав Йоланде его померить.

– За последнее время случилось несколько досадных инцидентов, – говорит тетя Кармен тихим голосом, не терпящим возражений. Все-таки именно она правящая глава семьи.

Будто в подтверждение ее слов по стороне патио, выходящей на задние сады, проходит частный охранник, бряцающая оружием. На нем армейская форма цвета хаки, на плечо вскинута ружье. Высокая стена окружала этот участок, сколько Йоланда себя помнит. В детстве она была убеждена, что эта стена нужна, чтобы удержать море, если во время шторма оно поднимется до склона холма, на котором по-

---

¹⁰ Любовь моя (*исп.*).

¹¹ Фургон (*исп.*).

строены дома их семьи.

– Положение не сулит ничего хорошего. – Тетя Флор снова лучезарно улыбается. В книге для актеров эпохи Возрождения эту застывшую улыбку называли бы «Дама, застигнутая за невольной улыбкой». – Да будет тебе известно, что ходят разговоры, будто в горах свирепствуют guerrillas¹².

Габриэла морщит нос.

– Мундин говорит, что это всего лишь сплетни.

Бесшумно подкрадываясь к ним Илюминада подает хозяйке спички. В меркнувшем свете патио выражения ее смуглого лица не разглядеть.

Тетя Кармен встает и подходит к торту. Она зажигает свечи и кладет догоревшие спички на поднос, протягиваемый Илюминадой. Один огонек за Санто-Доминго, один за Сантьяго, один за Пуэрто-Плату. Дети умоляют, чтобы им разрешили поджечь оставшиеся города, но не тут-то было: тетя Кармен говорит, что они могут только задуть свечи и, конечно же, съесть торт. А зажигать – дело взрослых. Когда все свечи оказываются зажженными, кухни, тетушки и дети собираются вокруг торта и задорно поют *Bienvenida a ti*¹³ на мелодию «С днем рождения».

Йоланда смотрит на торт. Перед ней пылает маршрут, который она составила для себя на карте: через горы к северу от города на побережье. Когда песня подходит к концу, кухни

---

¹² Партизаны (*исп.*).

¹³ «Добро пожаловать» (*исп.*).

ны требуют, чтобы она загадала желание. Йоланда наклоняется вперед и закрывает глаза. Она хочет столь многого, что сложно выбрать единственное желание. За последние двадцать девять лет, прошедшие с тех пор, как ее семья покинула этот остров, на ее пути было так много остановок. Они с сестрами вели слишком бурную жизнь: много мужей, домов, работ, неверных поворотов. Но только взгляните на ее кузин – женщин со своим домашним хозяйством и уверенными голосами. «Пусть это окажется моим домом», – загадывает Йоланда. Она представляет себе тихую, загадочную группу служанок в конце патио, Альтаграсию, держащую ладони на коленях.

Но к моменту, когда она решает открыть глаза, полдюжины ее маленьких заместителей уже задули все свечи. Семейство хлопает в ладоши. При дележке городов вспыхивают небольшие ссоры: оба мальчика Лусинды хотят Сантьяго, поскольку ездили туда летать на планере на прошлых выходных; и дочь Лусинды, и дочь Карменситы требуют столицу, потому что обе там родились, хотя одна из них готова поступиться столицей ради Ла-Романы, где у семьи есть пляжный домик. Но, разумеется, Ла-Романа уже отдана маленькой крестнице тети Флор. Девочка страдает астмой, а потому ей нельзя перечить. Охрипшая от укрощения этой шумной ватаги, Лусинда протягивает нож Йоланде.

– Это твой торт, Йойо, тебе и решать.

На дороге, ведущей через предгорья, могут разъехаться только две маленькие машины, поэтому на каждом повороте проинструктированная кузинами Йоланда сбрасывает скорость и сигналит. Сразу за одним из крутых поворотов возведен маленький кенотаф – La Virgen¹⁴, окруженная тремя свежепобеленными бетонными крестами.

Йоланда тормозит «датсун» у обочины и впервые с момента приезда наслаждается одиночеством. Каждая семейная вылазка возглавлялась одной из ее любезных тетюшек, которая демонстрировала ей пейзаж, словно специально устроенную ради племянницы развлекательную программу.

Йоланду окружают огромные темно-зеленые предгорья, небо больше ослепляет светом, а не цветом. Легкий ветерок колышет пальмы, шелестя их ветвями, и они шепчут, словно голоса. Тут и там со склонов поднимаются струйки дыма – это живут своими замкнутыми жизнями семьи каких-нибудь campesinos. Вот по этому Йоланда, сама того не сознавая, скучала все эти годы. Сейчас, когда она стоит здесь, в этой тиши, ей кажется, что в Штатах она никогда не чувствовала себя дома. Никогда.

Услышав шум, она поначалу решает, что забыла заглушить двигатель, но звук перерастает в страдальческий рев разваливающегося мотора. Йоланда различает отзвуки мужских голосов. Она быстро забирается в машину, блокирует дверцы и снова выезжает на дорогу, придерживаясь правой

---

¹⁴ Здесь: Дева Мария (*исп.*).

стороны.

Из-за поворота, закрыв Йоланде обзор, зигзагами выезжает старый, изрыгающий выхлопные газы армейский автобус с замазанным не совсем подходящей краской официальным названием. Водитель то ли приветствует, то ли предостерегает ее, несколько раз кряду нажав клаксон. Пассажиры видят ее только в последний момент. Изю всех окон с ближай к Йоланде стороны автобуса высовываются свистящие и кричащие мужчины, размахивающие бутылками и зазывающие ее к себе. Она разгоняет машину, и хорошо смазанный «датсун» легко поднимается по извилистому шоссе, оставив мужчин позади.

На всех радиочастотах шипят помехи, напоминающие скрежет автомобильного металла; прорывающийся в эфир слабый, неясный голос принадлежит ей самой, запертой в искореженной машине и зовущей на помощь. «По-английски или по-испански?» – спрашивает себя Йоланда. Поэт, с которым она познакомилась накануне вечером на вечеринке у Лусинды, утверждал, что в минуты глубоких эмоциональных потрясений человек возвращается к материнскому языку, насколько бы ни позабыл его. Он предложил Йоланде представить себя в разнообразных ситуациях. «На каком языке вы любите?» – спросил он, пристально глядя ей в глаза.

Холмы начинают выравниваться в плоскогорье, и дорога

расширяется. Слева и справа появляются придорожные лавки. Йоланда высматривает гуавы. На деревянных лотках высятся горы фруктов, которые она не видела несколько лет: желто-розовые манго, стручки тамариндов, истекающие густым соком; маленькие плоды кешью, подвешенные на веревочку, чтобы не помялись друг о друга. В окнах мясных ларьков висят облепленные жужжащими мухами куски плоти. Сложно поверить в бедность, о которой постоянно говорят радиокомментаторы. Еды здесь, похоже, полно – кроме гуав.

Оставив фруктовые лотки позади, Йоланда приближается к огороженному участку, весьма похожему на столичный участок ее семьи. Высокая бетонная стена тянется примерно на четверть мили. За решетчатыми железными воротами занимает свой пост сторож. Мельком выхваченный взглядом из-за цветущих перекладин, он похож на человека, запертого в роскошной тюрьме. За его спиной, в конце тенистой подъездной дорожки, высится трехэтажный особняк, окруженный широкой верандой. У входа припаркован шоколадно-коричневый «мерседес». Возможно, его владельцы приехали в свой загородный дом, чтобы избежать волнений в столице. Скорее всего, они приходится ей родней. Дюжина богатых семей пережилась между собой столько раз, что их генеалогические древа переплелись корнями. Вообще-то, тетуски выдали Йоланде список с именами дядей, теть и кузенов, которых она могла навестить по пути. Возле имени

каждого родственника давалось краткое описание, по которому его можно было вспомнить: «тот, у кого бассейн в форме фасолины»; «толстяк»; «бывший посол». Йоланда убрала список в бардачок еще до того, как выехала за пределы участка. Она и сама прекрасно справится.

И вот перед ней маленькая деревушка. «Альтамира» – гласят волнистые буквы на первом доме, крытом гофрированной жстью. Это небольшое скопление домов по обеим сторонам дороги – всего лишь место, где можно размять ноги, перед, насколько она слышала, крутым и слегка (тетушки предупреждали, что «очень») опасным спуском к побережью. Йоланда останавливает машину у кантины¹⁵ с соломенной крышей, поддерживаемой несколькими столбами, и бетонным полом, в самом центре которой стоит одинокий стол для пикника. Над столом роятся мухи.

К одному из центральных столбов прикреплен пожелтевший плакат с рекламой мыла «Палмолив». Намыленная светловолосая женщина нежится под освежающим душем. Ее голова запрокинута в показном экстазе, рот открыт в немом стоне.

– ¡Buenas!¹⁶ – громко произносит Йоланда.

Из лачуги за кантиной, застегивая пуговицы на рваном домашнем платье, появляется пожилая женщина. За ней по пя-

---

¹⁵ Кантина – питейное, иногда развлекательное заведение, таверна.

¹⁶ Добрый день! (*исп.*)

там следует маленький мальчик, прячущийся за ее спину всякий раз, как Йоланда ему улыбается. Когда она спрашивает, как его зовут, он еще глубже зарывается в складки старухинового подола.

– Вы уж его извините, донья, – просит прощения женщина. – Он не привык к обществу людей. – Вероятно, она имеет в виду людей при деньгах, проезжающих через Альтамиру на пути к приморским курортам северного побережья. – Твое имя, – повторяет мальчику пожилая женщина, как будто Йоланда обратилась к нему не по-испански. Тот бормочет что-то, уставившись в землю. – Громче! – понукает его старуха и с затаенной гордостью представляет его сама: – Этого маленького незнайку зовут Хосе Дуарте Санчес и Мелла.

Йоланда смеется. Многовато имен для такого малыша: это фамилии трех освободителей страны!

– Могу ли я чем-то услужить донье? – спрашивает старуха. – ¿Un refresco? ¿Una Coca Cola?¹⁷ – По гордости в ее голосе Йоланда понимает, что та желает угостить ее лучшим, что есть в меню.

– Я скажу вам, чего бы мне хотелось. – Йоланда бросает беглый взгляд на линию деревьев за старухиной лачугой. – Есть у вас тут гуавы?

Лицо пожилой женщины сморщивается.

– ¿Guayabas?¹⁸ – бормочет она себе под нос и на секун-

---

¹⁷ Прохлаждающий напиток? Кока-кола? (исп.)

¹⁸ Гуавы? (исп.)

ду задумывается. — А как же, они у нас везде растут, донья. Правда, в последнее время я их что-то не видала.

— С вашего разрешения... — Хосе Дуарте присоединяется к группе откуда ни возьмись взявшихся мальчишек, толпящихся вокруг машины и хвастающих тем, на скольких автомобилях они катались. Когда Йоланда упоминает о гуавах, он выскакивает вперед, показывая на верхушки западных холмов через дорогу. — Я знаю, где найти целую рощу спелых гуав.

Маленькие товарищи Хосе, стоящие за его спиной, кивают.

— Так идите же! — его бабушка топает ногой, словно прогоняя животное. — Принесите донье гуав...

Несколько мальчишек бросаются через дорогу и исчезают на крутой тропе склона, но, прежде чем Хосе успевает последовать за ними, его окликает Йоланда. Она тоже хочет пойти. Мальчик неуверенно поглядывает на свою бабушку. Пожилая женщина качает головой. Донье будет жарко, она запачкает свою нарядную одежду. Хосе принесет донье столько гуав, сколько она захочет.

— Но они гораздо вкуснее, когда собираешь их самостоятельно, — Йоланда слышит, что ее голос звучит резко. Сейчас вся власть над семьей сосредоточена в руках старухи.

Несколько мальчиков, оставшихся у кантины вместе с Хосе, снова собираются вокруг машины. Каждый из них утверждает, что сторожит ее для доньи. Йоланде приходит в голо-

ву, что из этого может получиться неплохое развлечение.

— Что скажете, если мы проедемся?

Мальчишки откликаются восторженными криками.

Это неплохая мысль, соглашается пожилая женщина. Если донья настаивает на поездке, то пусть едет по грунтовке, а потом свернет на дорогу, вымощенную до самых кофейных амбаров. Старуха указывает на юг, в сторону большого дома. Многие работники таким образом срезают путь.

Они набиваются в машину: полдюжины мальчишек на заднее сиденье, а Хосе — в качестве второго пилота рядом с Йоландой. Они съезжают с шоссе на ухабистую дорогу, которая становится все ухабистее, поднимаясь в более дикую и безлюдную местность. Дверцы машины царапают ветки, по дну стучит галька. Йоланда хочет повернуть назад, но места для разворота не хватает. Наконец с громким треском прутьев и хлестом веток по лобовому стеклу, словно сельская глушь никак не хочет их выпускать, машина прорывается на гладкий асфальт и свет дня. По обеим сторонам дороги растут рощи гуав. Мальчишки, опередившие их пешком, уже сгибают ветви и стряхивают на землю целый град плодов.

Йоланда тут же съедает несколько гуав, наслаждаясь ощущением слегка бугристой кожуры в своей ладони и жадно уплетая хрусткую сладкую белую мякоть. Мальчишки наблюдают за ней.

Группа разделяется, чтобы собрать плоды. Йоланда и Хосе, которые пошли вместе, забредают далеко от пересека-

ющей рошу тропы. Вскоре им приходится согнуться почти вдвое, чтобы не запутаться в густой листве над головами. С каждым новым прибавлением из доверху наполненной пляжной корзины Йоланды вываливаются фрукты.

Обратный путь оказывается куда более долгим. Йоланда начинает беспокоиться, что они потерялись, а потом – тревога порождает тревогу – ей приходит в голову, что они уже довольно давно не слышали и не видели остальных мальчишек. Сквозь кружево ветвей просвечивает темнеющее небо. В ее памяти мелькает заключенный в затейливую цветочную тюрьму сторож. Шуршащие ветви деревьев вторят предостережениям ее пожилых тетюшек: ты потеряешься, тебя похитят, тебя изнасилуют, тебя убьют.

Но тут заросли гуав расступаются, и им открывается тропа. К облегчению Йоланды, машина по-прежнему на обочине. Она с удовольствием разгибает спину. Хосе кладет свою ношу на землю и выпрямляется в полный рост. Йоланда поднимает взгляд к небу. Солнце висит низко на западном горизонте.

– Остальные, наверное, пошли собирать хворост, – замечает мальчик.

Йоланда смотрит на часы: уже минуло шесть. Такими темпами ей ни за что не успеть на северное побережье до темноты. Она поторапливает Хосе к машине, рядом с которой на обочине лежит груда оставленных другими мальчиками

гуав. Этакой кучи на всю жизнь хватит даже самому жадному островному santo!

Они быстро набивают фруктами багажник и забираются в «датсун», но, не проехав и метра, машина с ужасным толчком дергается вперед. Йоланда закатывает глаза, кладет голову на руль и смотрит на Хосе. Тот оглядывает салон автомобиля, пытаюсь понять, что случилось. Разумеется, этот ребенок тоже не умеет менять спущенное колесо.

Солнце вот-вот сядет, и сразу же спустится ночь: в отличие от Штатов, сумерки здесь мимолетны. Она объясняет Хосе, что у них спустило шину и придется вернуться к большому дому. Кто бы ни ухаживал за коричневым «мерседесом», он наверняка умеет менять колеса.

– С вашего разрешения... – вызывается Хосе. Донья может просто подождать в машине, а он вмиг вернется с кем-нибудь из дома Миранда.

Миранда, Миранда... Йоланда наклоняется, достает из бардачка тетушкин список – и, само собой, в нем оказываются тетя Марина и дядя Алехандро Миранда Альтос де Альтамира. В записке поясняется, что это тот самый дядя Алехандро, «который держал английских верховых лошадей и научил вас, четырех девочек, ездить верхом».

– Ладно, – говорит она мальчику. – Вот что я тебе скажу. – Она показывает на свои часы. – Если вернешься к тому времени, как эта стрелка будет здесь, я дам тебе... – она поднимает палец, – один доллар.

У мальчика отвисает челюсть. Он выскакивает из машины со своей стороны и бегом пускается к дому Миранда. Йоланда тоже вылезает из «датсуна» и быстро шагает за ним, пока мальчик не исчезает за одним из поворотов.

Со стороны тропки, пересекающей рощу на противоположной стороне дороги, доносятся шорох раздвигаемых ветвей и хруст прутьев под ногами. Из-за деревьев появляются двое мужчин, один невысокий и смуглый, а другой – стройный и светлокожий. На них оборванная, запятнанная рабочая одежда с кругами пота; у них осунувшиеся лица. С ремней свисают мачете.

Но при взгляде на нее их лица резко оживляются. Потом они смотрят на машину за ее спиной. Смуглый незнакомец заговаривает первым.

– Это ваша? Какая-то неполадка? – спрашивает он.

Тот, что повыше, окидывает Йоланду заинтересованным взглядом. Они останавливаются на дороге перед ней, преграждая ей путь к отступлению. Оба – Йоланда, в свою очередь, успела смерить их взглядом – сильны и вполне способны поймать ее, если она бросится бежать. Впрочем, ее ноги словно приросли к земле, и она все равно не смогла бы пошевелиться. Она хочет объяснить им, что просто решила прокатиться перед ужином в большом доме, чтобы эти мужчины решили, будто кто-то знает, где она находится, и будет искать, если ее попытаются похитить. Но язык словно заби-

ли ей в рот, как кляп, чтобы помешать разговаривать.

Мужчины обмениваются – как кажется Йоланде – заговорщицким взглядом.

Потом невысокий смуглый незнакомец снова обращается к ней:

– Сеньорита, с вами все в порядке? – Он всматривается в ее лицо.

Ростом этот человек не выше Йоланды, но настолько широк в плечах и крепок, что кажется крупным и как будто не до конца выструганным из цельного куска дерева. Его товарищ худощав и высок, а густой оттенок его золотисто-каштановых волос сочетается с золотисто-карими глазами. В любых других обстоятельствах он показался бы Йоланде необычайно привлекательным, но здесь, на пустынной дороге, под темнеющим с каждой секундой небом, его сногшибательная внешность выглядит опасной приманкой.

– Мы можем вам помочь? – повторяет коротыш.

Красавчик понимающе улыбается. На его щеках появляются длинные, глубокие, похожие на порезы ямочки.

– Americana¹⁹, – говорит он своему смуглому спутнику, показывая на машину. – No comprende²⁰.

Тот прищуривается и на несколько секунд задерживает изучающий взгляд на Йоланде.

– ¿Americana? – с растерянным видом спрашивает он.

---

¹⁹ Американка (исп.).

²⁰ Не понимает (исп.).

Все это время она была слишком напугана, чтобы следовать какой-то стратегии, но теперь перед ней открылся новый путь. Она сцепляет ладони на груди, чувствуя, как колотится сердце, и кивает. Потом, как если бы само это признание развязало ей язык, начинает говорить по-английски. Сначала коротко извиняется, но вскоре слова уже льются рекой, и она объясняет, каким образом оказалась на проселочной дороге в одиночестве: ей захотелось гуав, но она не умеет менять колеса. Оробевшие от ее тарабарщины мужчины непонимающе таращатся на нее. И только когда она упоминает фамилию Миранда, их глаза загораются уважением. Она спасена!

Йоланда изображает, как накачивает шину насосом. Смуглокожий мужчина смотрит на своего спутника, а тот озадаченно пожимает плечами. Взмахом руки Йоланда приглашает их следовать за ней. Наконец-то удастся вырвать ноги из неподвижности, как если бы она выкорчевала корни. Осознав, что к ней вернулась способность двигаться, она ведет мужчин к машине.

На миг все трое замирают, уставившись на сдувающееся колесо, и мужчины принимаются пинать его, словно в наказание за то, что оно подвело сеньориту. Они садятся на корточки с пассажирской стороны и вполголоса переговариваются. Йоланда подводит их к задней части автомобиля, и они достают запаску из вдавленного гнезда и принимаются за работу: собирают домкрат, вытаскивают из глубины багажни-

ка инструменты. Свои мачете они кладут на обочину, чтобы не мешались. Над их головами багровеет сумеречное небо. Солнце окрашивает вершины холмов алой желтизной.

Заменив спущенное колесо, мужчины кладут его в багажник и убирают инструменты. Они протягивают Йоланде ключи.

– Я хотела бы вас отблагодарить... – начинает она, но английские слова звучат неискренне. Покопавшись в сумке, она вынимает пачку купюр, сворачивает их и протягивает мужчинам.

Коротыш вскидывает руку. Йоланда замечает, что он поцарапался о дорожное покрытие и на его ладони темнеют засохшие кровоподтеки.

– No, no, señorita. Nuestro placer²¹.

Йоланда поворачивается к его высокому товарищу.

– Пожалуйста, – говорит она, пытаясь всучить ему деньги. Однако он тоже опускает взгляд – это жест Илюминады, жест Хосе. Она быстро запихивает купюры ему в карман.

Мужчины поднимают свои мачете и вскидывают их на плечи, словно солдатские ружья. Высокий мужчина показывает в сторону большого дома.

– Directo, Mirandas²², – произносит он, четко проговаривая слова.

Йоланда смотрит в направлении его руки. В слабом све-

---

²¹ Нет-нет, сеньорита. Нам в удовольствие (*исп.*).

²² Прямо, Миранда (*исп.*).

те уходящего дня дорога почти неразличима. Гуавовая роща словно разрослась по дороге и распростерла густо переплетающиеся ветви во всех направлениях.

Йоланда пытается пожать мужчинам руки. Коротыш сначала прячет ладонь за спину, как будто боясь испачкать ее руку, но, вытерев ладонь о штаны, протягивает ее Йоланде. Его кожа грубая и сухая на ощупь, как древесная кора.

Йоланда забирается в машину, а мужчины задерживаются на обочине, чтобы убедиться, что колесо держится. Она медленно выезжает на дорогу и на низкой скорости едет прочь. Когда она смотрит в зеркало заднего вида, мужчины уже скрылись в темной роще.

Фары выхватывают из мрака фигурку маленького мальчика. Йоланда перегибается через сиденье и открывает ему дверцу. Включается верхний свет; мальчик, едва сдерживая слезы, баюкает руку.

– Guardia²³ меня ударил. Он сказал, что я выдумываю. Ни одна dominicana²⁴, у которой есть машина, не поедет за guayabas²⁵ в такой поздний час.

– Не волнуйся, Хосе, – Йоланда треплет одетого в тонкую рубашку мальчика по костлявому плечу. – Ты все равно получишь свой доллар. Ты свое дело сделал.

---

²³ Сторож (*исп.*).

²⁴ Доминиканка (*исп.*).

²⁵ Гуавы (*исп.*).

Но, похоже, мальчику так стыдно, что он не испытывает от ее предложения никакого удовольствия. Йоланда пытается отвлечь его, расспрашивая, что он купит на свои деньги, о чем мечтает больше всего, решив в следующий раз привезти ему собственный маленький *antojo*. Но Хосе Дуарте Санчес и Мелла не отвечает. Только когда она высаживает мальчика у кантины, наградив несколькими долларами вдобавок к обещанному, он бормочет невнятное *gracias*²⁶.

Йоланда различает в свете фар фигуру старухи, машущей ей на прощание в черном прямоугольнике дверного проема. На ближайшем столбе, над столом для пикника, светится густой белизной кожа женщины от «Палмолив»; ее голова все так же запрокинута, рот по-прежнему приоткрыт, словно она зовет кого-то издалека.

---

²⁶ Спасибо (*исп.*).

Поцелуй

София

Даже когда все четыре дочери вышли замуж, завели собственные семьи и не могли часто приезжать на другие праздники, они всегда съезжались в родной дом на день рождения отца. Собирались без теперешних мужей, будущих мужей и взятой на дом работы. Это тоже было частью традиции: дочери приезжали домой одни. Отец был убежден, что квартира слишком мала, чтобы вместить их всех. Неужели мужья не обойдутся без его девочек одну ночь?

Мужья и сами не горели желанием навещать родителей жены, а высокомерие тестя их просто раздражало.

– Когда до него дойдет, что вы выросли? Вы спите с нами!

– Бога ради, ему почти семьдесят! – вступались за отца дочери. Они были страстными женщинами, но их преданность тянулась корнями в прошлое, к любимому папе.

И по этой причине каждый ноябрь они на один вечер снова становились папиными дочками. В тесной гостиной, заставленной мрачной громоздкой мебелью из старого дома, где они выросли, они снова становились девочками в маленькой и простой версии мироздания. На пороге разыгрывалась сцена возвращения блудных дочерей. Отец широко распахивал

вал объятия и приветствовал их на ломаном английском:

– Тут ваш дом, и никогда не забывайте про это.

Внутри вокруг них принималась хлопотать мама, ужасавшаяся их неряшливой одежде, длинным распущенным волосам, усталому виду, нездоровой худобе, тяжелому макияжу и так далее.

После нескольких бокалов вина отец принимался перечислять, что должно быть сделано, если он не доживет до следующего дня рождения.

– Ладно тебе, папи, – ласково увещевали его дочери, словно он собирался на тот свет из скромности, а им требовалось просто уговорить его остаться.

После торта со свечами отец раздавал пухлые, словно набитые чем-то конверты; в них и правда умещалось не меньше нескольких сотен долларов десятками, двадцатками и пятерками. Все купюры были разложены одной стороной вверх, а на верхней, будто тавро владельца, красовалась отцовская подпись. «Почему не чеки?» – позже спрашивали друг друга дочери, сплетничая в спальне и пересчитывая свои деньги, чтобы убедиться, что отец не выказал кому-то особой благосклонности. Нет ли в том, что отец припрятывает такие суммы, чего-то противозаконного? Возможно ли, что он – никто из дочерей в самом деле в это не верил, но столь дерзкие догадки вспыхивали в их головах чудесными маленькими искрами – торгует наркотиками или делает аборты в своем кабинете?

За столом они всегда делали вид, что пытаются вернуть конверты.

– Нет-нет, папи, ведь это твой день рождения.

Отец отвечал, что такого добра у него навалом. Революция на родине провалилась. Большинство его камрадов были убиты или подкуплены. Он сбежал в эту страну. Теперь каждый сам за себя, и он зарабатывает для своих девочек. Отец никогда не давал своим дочерям деньги в присутствии их мужей.

– Они могут неправильно это истолковать, – однажды заметил он, и, хотя ни одна из дочерей не знала, что конкретно отец имел в виду, все понимали, что тем самым он говорил: «Не приводите ко мне на день рождения своих мужчин».

Однако в этом году, в его семидесятый день рождения, младшей дочери, Софии, захотелось устроить праздник в собственном доме. Тем летом у нее родился сын, и она не хотела путешествовать в ноябре с четырехмесячным младенцем и маленькой дочерью на руках. В то же время из всех дочерей ей особенно не хотелось отсутствовать, потому что только в этом году она помирилась с отцом после того, как шесть лет назад сбежала с будущим мужем. Старик даже целых два раза навестил ее – или, лучше сказать, своего внука. Рождение у Софии сына стало большим событием. Это был первый мальчик, родившийся в семье за два поколения. К тому же младенца собирались назвать в честь деда, Карлосом, а его вторым именем должна была стать девичья

фамилия Софии; таким образом, имени деда предстояло сохраниваться в этой новой стране, на что старик, окруженный, как он любил шутить, «гаремом из четырех девочек», никогда не надеялся!

Оба своих визита дедушка посвятил бдению над колыбелью, разговаривая с маленьким Карлосом.

– Карл Пятый, Чарльз Диккенс, принц Чарльз, – перечислял он имена знаменитых Чарльзов, чтобы пробудить в мальчике генетические амбиции. – Карл Великий, – воркующим тоном продолжал он, потому что младенец был крупным и ширококостным, со светлым пушком на бледно-розовой коже и голубыми глазами – точь-в-точь как у его отца-немца. Вся дедушкина карибская нежность к наследнику мужского пола и пристрастие к белокурой северной внешности всплыли на поверхность. Появившаяся в семье хорошая кровь могла противостоять будущим ошибкам кого-то из ее женщин.

– Ты родился здесь, ты можешь быть президентом, – нашептывал младенцу дед. – Ты можешь отправиться на Луну, а к тому времени, когда ты будешь в моем возрасте, может, прямиком на Марс.

Мачистское сюсюканье отца воскресило в Софии давнюю неприязнь. Как возмутительно с его стороны бесконечно крутить эту шарманку, когда рядом стоит его маленькая внучка, наивная и расстроенная тем, что сможет совершить ее младший брат размером не больше ее кукол, и только потому, что он мальчик.

– Останови его, пожалуйста, – попросила София своего мужа.

Среди зятьев Отто считался самым веселым и добродушным. «Вожатый», – поддразнивали его свояченицы. Отто пошел к бабушке. Оба с любовью уставились на новорожденного викинга.

– Ты можешь стать таким же замечательным человеком, как твой отец, – сказал дедушка, впервые сделав комплимент одному из своих зятьев. Теперь Отто точно не собирался связываться со стариком.

– Он прелестный мальчик, правда, папи? – от нежности немецкий акцент Отто стал заметнее. Он хлопнул тестя по спине. Теперь они были друзьями.

Впрочем, несмотря на то что отец помирился с зятем, его отношения с дочерью оставались натянутыми. Когда он приехал в гости, она обняла его на пороге, но он замер и вежливо убрал ее руки.

– Дай мне положить тяжелые сумки, София.

Он никогда, даже когда она жила дома, не называл ее ласковым семейным прозвищем Фифи. У него всегда находились причины для недовольства своей свободомыслящей младшей дочерью, и после ее побега все стало только хуже. «Я не потерплю распутниц в своей семье», – предостерегал он всех своих дочерей. Предупреждения выносились всем сразу, потому что, по его мнению, даже если в каждом отдельном случае проступок совершала только одна из них,

небольшие выволочки шли на пользу добропорядочности всех женщин.

Дочерям приходилось мириться с подобным отношением в свобододолюбивую эпоху. Они выросли в конце шестидесятых. В те дни ношение джинсов и сережек-колец, курение травки и секс с одноклассниками считались политическими акциями против военно-промышленного комплекса. Другое дело – отпор отцу. Даже во взрослом возрасте они понижали голос, упоминая о своих телесных удовольствиях в пределах его слышимости. А ведь все три дочери были образованными женщинами с дипломами на стене!

И только у Софии не было диплома. Она всегда шла собственным путем, хотя и преуменьшала значимость своих решений, называя их случайностями. Высокая, ширококостная, с крупными чертами лица, она считалась самой невзрачной из четырех сестер. Тем не менее, как с удивлением и толикой зависти шутили сестры, именно она «меняла парней как перчатки». Сестры восхищались ею и всегда советовались с ней насчет мужчин. В детстве третья дочь делила с Софией комнату. Ей нравилось наблюдать, как сестра расхаживала по спальне, готовясь ко сну, расчесывалась и закалывала волосы, а потом забиралась под одеяло так, словно ее там ждали. В темноте от Фифи исходил свежий, здоровый запах чистого тела. Это успокаивало робкую и боязливую третью дочь, которой вечно не везло с парнями. Дыхание сестры в темной комнате заставляло ее чувствовать, что в изножье

кровати лежит сильное прирученное животное, готовое ее защитить.

Младшая дочь первой покинула отчий дом. Она влюбилась и бросила университет. Нанялась секретаршей и жила с родителями, потому что отец пригрозил отречься от нее, если та вздумает поселиться одна. Она полетела в отпуск в Колумбию, потому что туда летел очередной ее парень, и, поскольку не могла остаться у него на ночь в Нью-Йорке, отправилась за много тысяч миль, чтобы переспать с ним. В Бо-готе они обнаружили, что, насладившись запретным плодом, тут же утратили аппетит. И расстались. Впрочем, она тут же познакомилась на улице с каким-то туристом из Германии. За всю свою взрослую жизнь эта девушка не сидела без парня дольше нескольких дней. Они влюбились друг в друга.

По пути домой она выбросила свою диафрагму²⁷ в первую же мусорку в аэропорту Кеннеди. Не собиралась рисковать. Но отец почуял неладное. В следующие несколько месяцев он глаз с нее не спускал. При первой же возможности перерыл ящики ее комода «в поисках своих кусачек для ногтей» и нашел пачку любовных писем. Мелкий правильный почерк немца описывал неопишемое – на тонких голубых бланках аэрограмм воссоздавались постельные беседы.

– Что это значит? – тряс отец письмами перед ее лицом.

Четыре сестры болтали, сидя за столом, когда он вошел

---

²⁷ Имеется в виду барьерный метод женской контрацепции.

в комнату, как хлыстом, похлопывая пачкой по ноге. Атласная лента для волос распустилась там, где он развязал ее, а потом снова обмотал письма в безумной попытке обуздать дурное поведение младшей дочери.

– Отдай! – закричала она, кинувшись на него.

Отец вскинул руку с письмами над их головами, подобно статуе Свободы с факелом, но забыл, что младшая дочь одного с ним роста. Она вцепилась в его руку и, силой опустив ее, прижала письма к себе, словно младенца, которого он оторвал от ее груди. Ее ярость казалась скорее биологической, чем романтической.

Оправившись от потрясения, отец снова пришел в ярость.

– Он обесчестил тебя? Вот что я хочу знать. Вы зашли за пальмы? Ты втоптала в грязь мое доброе имя? Вот что я хочу знать! – Обезумев, он выкрикивал в лицо младшей дочери вопрос за вопросом, не давая ей ответить. Он побагровел от бешенства, но ее безучастное лицо – бледная луна цвета слоновой кости, вызывающая такие приливы его гнева, что он почти захлебывался в потоке собственной ярости, – было еще ужаснее.

Обеспокоенные сестры вскочили – двое встали по обе стороны от отца, ласково увещевая его, словно няньки; третья положила ладонь на его поясницу, как делают детям с высокой температурой.

– Будет тебе, папи, остынь. Не нужно так волноваться. Давай поговорим. В конце концов, мы семья.

– Ты шлюха? – допытывался у Софии отец, так близко придвинув к ней лицо, что брызги его слюны покрыли ее щеки.

– Не твое собачье дело! – выпалила она низким, угрожающим голосом, похожим на рычание опасного животного. – У тебя нет никакого, совершенно никакого права шариться в моих вещах и читать письма! – Слезы брызнули у нее из глаз, ноздри раздувались.

Рот отца открылся, застыв в потрясенном положении цифры ноль. София тихо выпрямилась и вышла из комнаты. Во время своих подростковых истерик она обычно бросалась вон из дома, но через несколько часов, когда природное добродушие брало верх, она возвращалась успокоившейся, с забавными подарками для всей семьи: магнитами на холодильник, игрушечными комочками шерсти с вращающимися глазами.

Однако на сей раз все слышали, как она выдвигает и задвигает ящики комода наверху, переходит от кровати к шкафу и обратно. Удерживаемый тремя дочерьми, отец мерил шагами комнаты внизу, пока другая великая сила в доме аккуратно, словно у нее было все время мира, застегивала и укладывала свою одежду, собирала сумки и, наконец, покинула этот дом навсегда. Она каким-то образом добралась до Германии и убедила своего мужчину на ней жениться. Ей было что бросить в лицо отцу, который так мечтал о президентах и потомках-гениях: немецкое ничтожество оказалось

химиком мирового уровня. Но дочь была выше этих мелочных соображений. Ей было плевать, чем Отто зарабатывает на жизнь, когда она объявилась на его пороге и предложила себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.